

Герой нашего времени. Повести и романы

Про книгу

На его лице была печать грусти, а в глазах — глубокая всезнающая мудрость. Было в нем что-то от дьявола. Было в нем что-то от святого. Казалось, он давно уже знал свою судьбу. И судьбу тех, кого встречал на своем пути. Ему помнились лица нежной Мери и непокорной Бэлы. И та дуэль с Грушницким. И все, что случилось с ним. Все, что тревожило его душу. Печать фатализма и готовность поставить на карту собственную жизнь. А вам известно его имя? Печорин. Был ли он героем? Если и был, то устал от этого бремени...

Михаил Лермонтов

Герой нашего времени
Повести и романы

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ
КЛАССИКИ

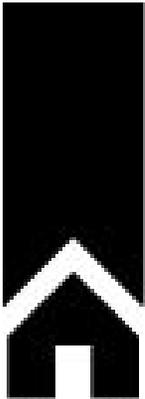
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ.
ПОВЕСТИ
И РОМАНЫ

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-6978-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Печатается по изданиям: Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Проза. Письма. — Л., 1981.
Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — СПб., 1996. Лермонтов М. Ю. Избранные
произведения. — Л., 1979.

Вступительная статья *В. А. Мануйлова*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

В оформлении обложки использована иллюстрация *А. А. Козлова* «Подвиг рядового 77-го
пехотного Тенгинского полка Архипа Осипова 22 марта 1840 года»

На його обличчі була печатка смутку, а в очах — глибока мудрість. Було в ньому щось від диявола. Було в ньому щось від святого. Здавалося, він давно вже знав свою долю. І долю тих, кого зустрічав на своєму шляху. Пам'ятав обличчя лагідної Мері і непокірної Бели. І ту дуель із Грушницьким. І все, що сталося з ним. Усе, що бентежило його душу. Тавро фаталізму та готовність кинути на кін власне життя. Печорін — чи був він героєм? Якщо й був, то втомився від цього тягара...

Лермонтов М.

Л49 Герой нашего времени. Повести и романы / Михаил Лермонтов ; вступ. статья

В. А. Мануйлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с. — (Серия «Шедевры мировой классики», ISBN 978-617-12-4211-1).

ISBN 978-617-12-6283-6

На его лице была печать грусти, а в глазах — глубокая мудрость. Было в нем что-то от дьявола. Было в нем что-то от святого. Казалось, он давно уже знал свою судьбу. И судьбу тех, кого встречал на своем пути. Ему помнились лица нежной Мерри и непокорной Бэлы. И та дуэль с Грушницким. И все, что случилось с ним. Все, что тревожило его душу. Печать фатализма и готовность поставить на карту собственную жизнь. Печорин — был ли он героем? Если и был, то устал от этого бремени...

УДК 821.161.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Михаил Юрьевич Лермонтов.

Жизнь и творчество¹

Михаилу Юрьевичу Лермонтову в истории русской литературы принадлежит особое и значительное место. Великий русский поэт был продолжателем Пушкина и поэтов-декабристов, автором первого в России психологического романа в прозе «Герой нашего времени», драматургом, лучшая драма которого «Маскарад» прочно вошла в репертуар отечественного театра наряду с «Горем от ума» Грибоедова и «Ревизором» Гоголя. Продолжая дело Пушкина в литературе, Лермонтов не был его подражателем. Опираясь на художественные открытия своего великого учителя, Лермонтов сказал в нашей литературе свое новое слово и выразил настроения и думы лучших русских людей 30-х годов XIX века, которые начинали сознательную жизнь уже после разгрома движения декабристов, в годы николаевской реакции. Но именно в эти 30-е годы дворянская и разночинная молодежь мучительно размышляла о дальнейших путях развития русского общества, о смысле жизни, об оторванности передовых людей от народа, о необходимости сближения с народом, чтобы понять его нужды и облегчить его участь.

Эти новые задачи, стоящие перед русским обществом, верно поняли В. Г. Белинский и А. И. Герцен. И они показали в своих работах, какое значение имело творчество Лермонтова для их современников. «Он полностью принадлежит к нашему поколению, — писал Герцен. — Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать, сдерживая слезы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли — и какие мысли! Это уже не были идеи просвещенного либерализма, идеи прогресса, — то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости. Свыкшись с этими

чувствами, Лермонтов не мог найти спасения в лиризме, как находил его Пушкин. Он влачил тяжелый груз скептицизма через все свои мечты и наслаждения. Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе, она сквозит во всех его стихах. Это не отвлеченная мысль, стремящаяся украсить себя цветами поэзии; нет, раздумье Лермонтова — его поэзия, его мученье, его сила <...> К несчастью быть слишком пронизательным у него присоединилось и другое — он смело высказывался о многом без всякой пощады и без прикрас».

Лермонтов страдал, когда видел, как попусту растрачиваются силы лучших людей его поколения, обреченных на вынужденное бездействие. Осознать эту трагедию своего времени и смело высказать ее мог только мужественный поэт, мыслитель и гражданин.

1

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября по старому стилю (с 14 на 15 октября по новому стилю) 1814 года в семье капитана в отставке Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, рожденной Арсеньевой, в Москве, в большом трехэтажном каменном доме напротив Красных ворот. Теперь этого дома нет.

Вскоре после рождения мальчика Лермонтовы вместе с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, матерью Марии Михайловны, переехали в ее небольшое поместье Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне село Лермонтово). Здесь, среди бескрайних полей, пересеченных оврагами, затененных дубовыми рощицами, прошли детские и отроческие годы поэта.

У тарханских крестьян учился Лермонтов русской народной речи; тут слышал он песни и предания об Иване Грозном, о Разине, о Пугачеве; крепостные — участники пензенского ополчения в Отечественной войне 1812 года — рассказывали о Бородинском сражении.

Семейная жизнь родителей Лермонтова сложилась несчастливо. Вмешательство властолюбивой Елизаветы Алексеевны обостряло семейную распрю. Юрий Петрович происходил из старинной, но обедневшей семьи. Не такого зятя хотела бы видеть в своем доме Е. А.

Арсеньева, старшая дочь влиятельного откупщика Алексея Емельяновича Столыпина, разбогатевшего при Екатерине II.

Рождение сына и несчастливое супружество подорвали слабое здоровье Марии Михайловны. 24 марта 1817 года она умерла. Через несколько дней между Е. А. Арсеньевой и Ю. П. Лермонтовым разгорелся спор о праве воспитывать мальчика. Арсеньева выдала зятю заемное письмо (вексель) на 25 тысяч рублей и завещала все свое состояние внуку при условии, что он останется на ее попечении до совершеннолетия. И Юрий Петрович навсегда уехал в свою деревеньку Кропотово, в Тульскую губернию.

Лермонтов рос впечатлительным и болезненным ребенком. Чтобы укрепить здоровье внука, Е. А. Арсеньева трижды возила его к кавказским минеральным водам.

Далекie поездки на лошадях через всю Россию, величественная природа Кавказа, близость разгоравшейся в те годы Кавказской войны, рассказы о набегах горцев и экспедициях русских войск, знакомство с казачьими и горскими легендами и песнями — всё это обогащало творческое воображение Лермонтова и во многом определило содержание его отроческой поэзии, его ранних кавказских поэм: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи» и «Хаджи Абрек».

2

Осенью 1825 года, после третьей поездки на Кавказ, Е. А. Арсеньева с внуком снова вернулась в Тарханы. Она много сделала, чтобы дать одаренному мальчику хорошее, разностороннее воспитание. С младенческих лет к нему были приставлены старушка немка Х. Ремер и гувернер Капе, бывший сержант наполеоновской армии. В Тарханах одновременно воспитывалось до десяти сверстников Лермонтова — дальних родственников и детей соседних помещиков. Вместе с ними играли крестьянские ребятишки из деревни, расположенной неподалеку от барской усадьбы.

Время было тревожное. В уездах Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Нижегородской губерний вспыхивали крестьянские волнения. В начале декабря 1825 года до Тархан дошла весть о том, что 19 ноября в Таганроге умер Александр I, потом в самом конце года

стало известно о разгроме восстания 14 декабря в Петербурге на Сенатской площади. Через несколько дней после этой чрезвычайной новости сообщили о подавлении восстания Черниговского полка на Юге. Началось царствование Николая I.

Известия о восстаниях в Петербурге и на Юге не могли не взволновать Е. А. Арсеньеву. Ее братья — Дмитрий и Аркадий Столыпина — были знакомы и даже близки с видными руководителями заговора. Аркадий Алексеевич умер незадолго до восстания, а Дмитрий Алексеевич скоростижно скончался, когда начались первые аресты заговорщиков в Москве.

Лермонтов услышал о декабрьском восстании 1825 года, когда ему было одиннадцать лет. По-настоящему значение этого события он оценил, конечно, позднее, но уже в отрочестве ему были хорошо знакомы и дороги имена Пестеля, Рыльева, Грибоедова и Кюхельбекера.

3

В конце августа или в сентябре 1827 года Е. А. Арсеньева переселилась с внуком в Москву, чтобы подготовить его к поступлению в лучшее по тем временам учебное заведение — Московский университетский благородный пансион. Среди других учителей в дом к Арсеньевой был приглашен кандидат университета А. З. Зиновьев, связанный не только с университетскими, но и литературными кругами Москвы.

Домашние уроки Лермонтову также давал известный поэт профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков. Мальчик с увлечением знакомился с творениями Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова, но самым любимым его поэтом был, конечно, Пушкин, как раз в это время постоянно живший в Москве и окруженный всеобщим вниманием.

Английскому языку Лермонтова учил опытный педагог Виндсон. Вскоре Лермонтов смог в подлиннике читать Байрона, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Фенимора Купера и даже Шекспира.

1 сентября 1828 года Лермонтов поступил в Московский университетский благородный пансион. Он был настолько хорошо

подготовлен, что его определили в четвертый класс.

Многие деятели русской науки и литературы вышли из стен этого пансиона. Здесь в свое время воспитывались Д. И. Фонвизин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, декабрист П. Г. Каховский.

Круг предметов, преподававшихся в пансионе, был широк, но особое внимание уделялось истории, литературе, языкам и искусствам. При пансионе была превосходная библиотека. Здесь по вечерам иногда собиралось литературное общество; воспитанники пансиона читали свои произведения и переводы, горячо обсуждали прочитанное. Лермонтов принимал в этих собраниях деятельное участие.

В пансионе в полной мере раскрылись его разносторонние дарования. На смену детскому увлечению лепкой из воска и самодельным кукольным театром пришли занятия рисованием, живописью и музыкой. Лермонтов пел, играл на скрипке и фортепьяно.

Воспитанники пансиона следили за всем новым и передовым в русской и западной литературе. Списки политических стихотворений Пушкина и Рылеева ходили по рукам. Поэму Рылеева «Войнаровский», как и южные романтические поэмы Пушкина, многие пансионеры знали наизусть.

В условиях глухого, затаенного брожения четырнадцатипятинадцатилетний Лермонтов был готов отдать свою жизнь борьбе с тиранией, борьбе за счастье народа. Его отроческие и юношеские стихи свидетельствуют о поразительной силе духа, о воле к борьбе за грядущее освобождение. Уже в сравнительно ранних стихах 1830 года возникает образ поэта-гражданина, поэта-пророка:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

Так писал Лермонтов в стихотворении, по-видимому обращенном к Пушкину («О, полно извинять разврат!»).

Быстрому формированию и созреванию общественно-политических взглядов и поэтического дарования Лермонтова много

способствовала вольнолюбивая семья Московского университетского пансиона. Не случайно Николай I и его жандармы с первых же дней нового царствования подозрительно отнеслись к пансиону. По мнению царя, с этим рассадником вольномыслия надо было решительно покончить.

В марте 1830 года Николай I неожиданно посетил пансион и остался крайне недоволен независимостью воспитанников, а также гуманностью педагогов. 29 марта «высочайшим указом» пансион был преобразован в гимназию. Как и некоторые другие воспитанники старшего класса, Лермонтов не захотел продолжать обучение в казенной гимназии и был уволен из пансиона со свидетельством о том, что «обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам с отличным прилежанием, похвальным поведением и с весьма хорошими успехами».

Шла речь о продолжении образования за границей, но Лермонтов решил готовиться к поступлению в Московский университет.

4

В 1829, 1830 и 1831 годах каждое лето Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой проводил в Середникове — подмосковном имении ее покойного брата Д. А. Столыпина. Здесь еще была жива память о просвещенном хозяине и его друзьях декабристах. В усадьбе сохранилась библиотека, в которой имелись не только произведения классиков мировой литературы, но и альманахи и журналы первой половины 20-х годов.

В Середникове Лермонтов продолжал переводить и переделывать баллады и лирические стихотворения Шиллера («Перчатка», «К Нине», «Встреча», «Дитя в люльке», «Над морем красавица дева сидит...» и др.).

Летом 1830 года Лермонтов прочел только что вышедшую книгу Томаса Мура о жизни Байрона. Для декабристов, для Пушкина, а вслед за ними и для юного Лермонтова Байрон был могучим и неукротимым борцом против реакции, «гражданином грядущих поколений». При всем интересе к личности и творчеству Байрона Лермонтов, тесно

связанный с русской действительностью, настаивал на своей национальной самобытности:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Интересом к народному быту и народной песне объясняется появление в творчестве юного Лермонтова произведений на русские темы. Так возникают «Песня», «Романс», «Два сокола». В «Русской мелодии», написанной в 1829 году, появляется образ народного певца:

Так перед праздною толпой,
И с балалайкою народной,
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный, и свободный!..

5

Поразительна напряженность творческих исканий юного Лермонтова! Наряду с лирическими стихотворениями, представляющими собой нечто вроде дневников, поэт записывает ряд планов трагедий и драматических поэм. Летом 1830 года Лермонтов написал первое законченное драматическое произведение — трагедию «Испанцы».

Раздумья о судьбах родины и родного народа, томящегося в крепостничестве, нашли свое выражение и в отроческом стихотворении Лермонтова «Жалобы турка» (1829):

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

Вскоре в юношеских прозаических драмах «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти») и «Странный человек» Лермонтов уже без всякой маскировки изобразил крепостническую

действительность и выступил с обличением жестокостей помещиков и управителей. Поэт не ограничивается тесными рамками автобиографической темы, историей семейной вражды, он выходит за пределы личной трагедии. Всё больше занимают его социальные вопросы.

Лето 1830 года было особенно богато политическими событиями. 3 июня в Севастополе вспыхнул чумной, так называемый «бабий бунт». Военный генерал-губернатор Севастополя Н. А. Столыпин, родной брат Е. А. Арсеньевой, был убит восставшими. Лермонтов не мог не знать об этом восстании.

Несколько позднее с Поволжья к Москве подступила эпидемия холеры. Были учреждены карантинные пункты. Озлобленное злоупотреблениями властей, крестьянство волновалось. Казалось, что России грозит новая крестьянская революция, подобная Пугачевскому восстанию.

Лирика Лермонтова в это время приобретает особую социальную и политическую остроту. Даже глубоко личные переживания поэта, даже чувства любви и дружбы раскрываются на широком и мрачном фоне взволнованного океана народной жизни.

В августе до Петербурга и Москвы дошли первые известия о революции 30 июля (по новому стилю) в Париже. Едва ли не первым Лермонтов откликнулся на события июльской революции в стихотворении «30 июля. — (Париж) 1830 года».

Крестьянские волнения в России и революционные события в Западной Европе привлекают внимание Лермонтова к теме грядущей народной революции. В стихотворении «Предсказание» речь идет о падении самодержавия:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

При таком двойственном отношении к грядущей революции юный Лермонтов всё чаще возвращался к мысли о возможном участии в народном движении, о подвиге поэта и гражданина, о неизбежной необходимости пожертвовать своей свободой и даже жизнью ради свободы народа:

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу...

Так писал Лермонтов в стихотворении «Из Андрея Шенье». На самом деле у Шенье такого стихотворения нет. Вслед за Пушкиным Лермонтов обратился к Шенье, чтобы создать образ вольнолюбивого поэта, который «грудью шел вперед» и «жертвовал собой».

В стихотворениях, обращенных к Н. Ф. Ивановой, тема predetermined, трагической гибели, тема изгнания или казни проходит в неразрывной связи с темой любви, а затем темой измены любимой девушки, не оценившей поэта.

Не удовлетворенный настоящим, Лермонтов вслед за поэтами-декабристами в поисках героических образов и примеров обращается к прошлому России. В 1830 году он пишет поэму «Последний сын вольности» — о Вадиме, погибшем в единоборстве с порабителем Новгорода князем Рюриком.

В начале 1830-х годов в творчестве Лермонтова тема новгородской вольницы занимает заметное место. Таковы, например, обращения к древнему Новгороду: «Сыны снегов, сыны славян...» (1830) и «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель!..» (1832). Эти стихотворения не могли быть опубликованы, но если бы они получили распространение, передовая молодежь восприняла бы их как революционный призыв.

6

1 сентября 1830 года Лермонтов был зачислен в Московский университет на первый курс нравственно-политического отделения. Но только начались лекции, в Москву проникла холера. Занятия в университете пришлось временно прекратить. Многие бежали в Смоленск, в Петербург. Город был окружен военными кордонами. Москва опустела. Страшное время Лермонтов пережил с бабушкой в Москве. В его лирике в эти дни всё чаще речь идет о смерти, о народных бедствиях, о холере, о чуме... Это не дань традиционной романтической тематике, но правдивое отражение тревожной русской действительности.

В начале 1830-х годов преподавание в Московском университете было поставлено хуже, чем в предыдущие и последующие годы. Слабо подготовленные и реакционно настроенные профессора не удовлетворяли начитанного и следившего за всем новым Лермонтова. Общение же с передовой студенческой молодежью имело для формирования его общественно-политических и философских воззрений большое значение. Одновременно с Лермонтовым в Московском университете учились тогда Белинский, Герцен, Гончаров. Университетская молодежь с увлечением обсуждала политические события, новые книги, спорила на философские и общественные темы. В университете Лермонтов не был близко знаком ни с Белинским, ни с Герценом, но он жил теми же интересами, общался с той же студенческой средой.

Весной 1832 года Лермонтов редко посещал университет: в это время он с увлечением писал поэму «Измаил-Бей». Его дерзкие ответы реакционным профессорам Победоносцеву и Гастеву раздражали университетское начальство. В конце 1831/32 учебного года Лермонтову посоветовали подать заявление об увольнении. В том же году из Московского университета «за малые способности» был исключен В. Г. Белинский. В августе 1832 года вместе с бабушкой Е. А. Арсеньевой Лермонтов отправился в Петербург, чтобы поступить там в университет.

7

После родной Москвы императорский Петербург произвел на Лермонтова гнетущее впечатление:

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой...

«Как только я приехал, я посещал — и, признаюсь, довольно часто — родственников, с которыми я должен был познакомиться, — писал Лермонтов М. А. Лопухиной 28 августа 1832 года, — но в конце концов я убедился, что мой лучший родственник — я сам; я видел образчики здешнего общества: дам очень любезных, кавалеров очень

воспитанных — все вместе они на меня производят впечатление французского сада, не пространного и не сложного, но в котором можно заблудиться в первый же раз, так как хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями».

В Петербургском университете Лермонтову отказались зачесть два курса, пройденных в Москве. К тому же в университетах был прибавлен еще один год обучения. Начинать всё заново Лермонтов не захотел и поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Начитанный, независимый юноша вынужден был провести в этой настоящей николаевской казарме «два страшных года».

Несмотря на неблагоприятные условия, Лермонтов продолжает работать над поэмой «Демон», а также пишет еще одну кавказскую романтическую поэму — «Хаджи Абрек». Эта поэма не предназначалась для печати, но Н. Д. Юрьев, дальний родственник Лермонтова, передал рукопись редактору журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковскому, и в августовской книжке за 1835 год поэма была напечатана.

В годы пребывания в военной школе Лермонтов начал работу над историческим романом в прозе, который увидел свет только в 1873 году под редакторским названием «Вадим». В основу романа положены исторические события пугачевского движения. Но Пугачев только упоминается в романе. На широком фоне народного движения Лермонтов показал озлобленного и жестокого горбуна Вадима, главного героя романа, который поступает в услужение к своему обидчику и заклятому врагу помещику Палицыну, чтобы отомстить ему за разорение отца. Если общая картина крестьянской революции в юношеском романе Лермонтова в какой-то степени предвосхищает исторический роман Пушкина «Капитанская дочка», то история Вадима и его мести Палицыну напоминает сюжет «Дубровского». Эта близость первого опыта в прозе Лермонтова и «Дубровского», опубликованного только в 1841 году, объясняется общим реальным источником. Как теперь установлено, и Пушкин и Лермонтов в 1832 году разными путями узнали о вопиющей по своей несправедливости тяжбе между тамбовскими помещиками С. П. Крюковым и И. Я. Яковлевым. Это дело подсказало Пушкину замысел «Дубровского», а Лермонтову — сюжетную основу «Вадима».

Вадим — это гордый мститель, «святой» злодей; его пылкий характер лишен конкретных исторических черт. Но когда Лермонтов переходит к народным сценам, тотчас же пробивается живая реалистическая струя, веет подлинной правдой жизни. Здесь уже чувствуется не влияние литературных образцов (например, В. Гюго), но личный опыт поэта, его знание народной жизни, народного языка.

8

22 ноября 1834 года Лермонтов был произведен в офицеры и выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, который стоял в Царском Селе. Но молодой офицер ездил туда только на дежурства, ученья и парады, а бо`льшую часть времени проводил в столице. Пустая и пестрая жизнь светского общества недолго занимала Лермонтова. Наблюдения над бытом и нравами петербургского света он вскоре обобщил в драме «Маскарад» и в неоконченном романе «Княгиня Лиговская».

«Маскарад» принадлежит к числу произведений Лермонтова, написанных тем самым «железным стихом, облитым горечью и злостью», которым поэт хотел «смутить веселость» бездушного светского общества и показать без маски его истинное лицо.

В творчестве Лермонтова Евгений Арбенин — первый «герой своего времени». Лучше, чем кто-либо, он понимает, что в этом обществе вся жизнь основана на лжи, всё призрачно, всё во власти зла: «Повсюду зло — везде обман...». И вместе с тем Арбенин, так же как Печорин, глубоко ненавидит это общество и его пороки. Не порывая с людьми своего круга, он презирает их и скучает среди них. Страстные монологи Арбенина обличали общественный упадок и нравственное разложение аристократического общества.

Лермонтову хотелось увидеть «Маскарад» на сцене или в печати. Но настойчивые хлопоты ни к чему не привели. Три раза переделывал он драму, пытаясь приспособить ее к требованиям цензуры, которую пугала сатирическая направленность «Маскарада». Лермонтову отвечали, что пьеса «не может быть поставлена по причине слишком резких страстей и характеров, а также потому, что в ней добродетель недостаточно вознаграждена».

«Маскарад» был напечатан только после смерти Лермонтова, в 1842 году, а впервые поставлен в урезанном виде на сцене Александринского театра в 1852 году.

Вслед за «Маскарадом» Лермонтов начал драму «Два брата», но работа дальше первого черновика не пошла. Неудача с «Маскарадом» привела к тому, что Лермонтов охладел к театру и больше ничего для него не писал.

В том же 1836 году Лермонтов приступил к роману «Княгиня Лиговская». В 1830-е годы экзотика романтических повестей отходила в прошлое. С далеких окраин России, с неприступных гор Кавказа, из цыганского табора герой переносится в обычную бытовую обстановку города или усадьбы. В центре внимания стоят теперь не исключительные герои и необыкновенные происшествия, а переживания человека, его взаимоотношения с обществом. Вокруг так называемой «светской повести» в литературной критике середины 30-х годов разгоралась ожесточенная полемика.

«Повести Белкина» и «Пиковая дама» Пушкина и первые петербургские повести Гоголя непосредственно предшествовали формированию реалистической прозы Лермонтова.

Григорий Александрович Печорин из романа «Княгиня Лиговская» во многом напоминает Печорина из «Героя нашего времени». Подобно Арбенину, он не порывает со своим обществом, но глубоко презирает его пустоту и лицемерие. В молодом герое «Княгини Лиговской» начинают намечаться те черты характера, которые потом так отчетливо проступят в образе главного действующего лица «Героя нашего времени», — независимость и смелость суждений, глубокий аналитический ум, пылкое воображение, охлажденное опытом жизни и пониманием людей, сильная воля.

Вместе с тем в роман «Княгиня Лиговская» Лермонтов вводит образы бедного чиновника Красинского и его матери. Лермонтов относится к своему Красинскому без сентиментальной жалости, с подлинным сочувствием. Образ Красинского возникает в творчестве Лермонтова до того, как была написана «Шинель» Гоголя, и задолго до «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных» Достоевского. По дошедшим до нас первым девяти главам романа можно предположить, что в основу сюжета «Княгини Лиговской» положена не только история Печорина и Веры, но и соперничество между гвардейским

офицером и бедным тружеником Красинским. При этом Лермонтов последовательно подчеркивает моральное превосходство Красинского над Печоринным.

9

Вечером 27 января 1837 года по Петербургу распространилось известие, что Пушкин смертельно ранен Дантесом на дуэли. В это время Лермонтов был болен, и его лечил доктор Н. Ф. Арендт, навещавший умирающего поэта. От Арендта Лермонтов узнал о предсмертных страданиях Пушкина. 29 января Пушкин умер. По словам А. И. Герцена, «пистолетный выстрел, убивший Пушкина, пробудил душу Лермонтова».

Под впечатлением трагической гибели Пушкина Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта».

Лермонтов, по-видимому, не был лично знаком с Пушкиным, но он верно понимал и передал душевное состояние великого поэта и его непримиримый конфликт со светским Петербургом накануне трагической гибели. Первоначально стихотворение заканчивалось словами: «И на устах его печать». Но вскоре, когда в придворных кругах стали раздаваться голоса в защиту Дантеса, Лермонтов приписал последние шестнадцать строк, в которых указывал истинных вдохновителей убийства великого русского поэта.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..

Стихи Лермонтова точно и сильно выражали общее горе и негодование. Их списывали в книжных лавках, в кондитерских, на улице, заучивали наизусть. Эти стихи распространялись по Петербургу, Москве, а потом и по всей стране в тысячах списков. «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», — писал В. В. Стасов.

А другой современник, писатель В. А. Соллогуб, так определил значение этого стихотворения: «Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта — Лермонтова».

За сочинение «непозволительных стихов» Лермонтов по приказу Николая I был переведен в Нижегородский драгунский полк, стоявший тогда на Кавказе, а его друг С. А. Раевский, обвиненный в распространении этих стихов, сослан в Олонецкую губернию.

Стихотворение «Смерть поэта», дошедшее в рукописи до друзей Пушкина — Жуковского, Вяземского, Плетнева, — сблизило Лермонтова с редакцией «Современника». Этим следует объяснить, что именно в пушкинском журнале в мае 1837 года, когда Лермонтов был уже на Кавказе, появилось его стихотворение «Бородино», написанное в конце 1836 или в начале 1837 года.

Тема «Бородина» занимала Лермонтова еще в 1830—1831 годах, когда он написал «Поле Бородина», являющееся поэтическим ответом на поэму Вальтера Скотта «Поле Ватерлоо». Это был первый очерк, эскиз к будущему «Бородину».

Рассказчик, от имени которого ведется повествование о великой битве 24—26 августа 1812 года, мало похож на простого русского солдата. О значении исторической битвы автор «Поля Бородина» говорил высоким стилем:

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.

Через шесть-семь лет, когда в связи с предстоящим двадцатилетием Отечественной войны в журналах начали появляться всевозможные стихотворения, записки и рассказы участников кампании 1812 года, Лермонтов вновь обратился к теме Бородинской битвы.

Зрелая редакция «Бородина» построена в форме разговора молодого солдата с бывалым воином. Ответ старого солдата, спокойный, неторопливый, полон сознания совершённого патриотического подвига. Отлично представляя себе расположение русских и французских войск на Бородинском поле и зная ход боя, Лермонтов точно воспроизвел важнейшие эпизоды исторической битвы. Поэт был горд за свой народ, победивший в справедливой освободительной

войне, но вместе с передовыми людьми старшего поколения ему было горько и стыдно за настоящее. Именно так определил основную идею этого стихотворения В. Г. Белинский. «Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел».

10

Высланный из Петербурга за стихотворение «Смерть поэта», Лермонтов с середины марта и до конца 1837 года был «в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом». Бескрайние просторы России — от Петербурга до Тифлиса, от Кизляра до Тамани — прошли перед его глазами. По дороге на Кавказ Лермонтов простудился и всё лето до начала сентября лечился на Кавказских Минеральных Водах. Здесь Лермонтов познакомился с другом сосланных на Кавказ декабристов, умным и смелым в своих суждениях доктором Н. В. Майером, который послужил прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери», а также с другом покойного Грибоедова поэтом-декабристом А. И. Одоевским. Здесь же произошла встреча Лермонтова с В. Г. Белинским. Однако они поспорили и разошлись; через три года в Петербурге поэт и великий критик встретились снова и на этот раз уже поняли и оценили друг друга.

В первой половине сентября 1837 года с Кавказских Минеральных Вод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов отправился в Тамань, чтобы оттуда морем достичь Геленджика, где находился отряд генерала Вельяминова, готовившийся к встрече Николая I. Однако в Геленджик Лермонтов не попал. Возможно, что с ним произошло что-то похожее на историю Печорина, описанную в повести «Тамань». В конце сентября Лермонтов получил предписание отправиться в Закавказье, в свой Нижегородский драгунский полк, стоявший в Тифлисе.

В эту поездку, особенно по Военно-Грузинской дороге, Лермонтов много рисовал. Он не был художником-профессионалом, как Тарас Шевченко, но с увлечением рисовал «для себя» карандашом и акварелью, писал маслом.

Кавказские впечатления имели для творчества Лермонтова очень большое значение. Древние памятники архитектуры, сказания и песни

народов Кавказа и Закавказья, горные пейзажи — всё это отразилось в новых редакциях «Демона» и поэмы «Мцыри», а также в повести «Бэла».

В Нижегородский драгунский полк Лермонтов приехал поздно. В связи с пребыванием в Закавказье Николая I осенняя экспедиция против горцев в 1837 году была отменена. По собственному признанию, поэт «слышал только два-три выстрела». Он «странствовал, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов». Возникали планы ехать в Персию, Мекку. Но 10 октября в Дидубе, под Тифлисом, Николай I сделал смотр войсковым частям Кавказского корпуса, среди которых были четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка; царь нашел их в хорошем состоянии, и это косвенно повлияло на судьбу Лермонтова, который был переведен в Гродненский гусарский полк, стоявший недалеко от Новгорода.

По дороге Лермонтов задержался в Ставрополе. Здесь он встретился с сосланными на Кавказ декабристами; некоторые из них к тому времени отступили от революционных идеалов молодости, примирились с николаевской действительностью. Эта примиренность была чужда Лермонтову. Он был готов к дальнейшей борьбе, булатный кинжал, вывезенный из Тифлиса, стал символом мужественного поэта-борца:

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Вскоре, уже в Петербурге, Лермонтов вернулся к образу кинжала в программном стихотворении «Поэт».

11

В Селищенских казармах под Новгородом Лермонтов пробыл недолго: уже в апреле 1838 года, по ходатайству Е. А. Арсеньевой, он был переведен в прежний лейб-гвардии гусарский полк. Как раз в это время в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» была напечатана его «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого

опричника и удалого купца Калашникова». Цензура не разрешила подписать это произведение именем опального поэта; вместо подписи было обозначено «—въ».

«Песня» произвела большое впечатление на современников. В ней, по словам Белинского, «поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее... вошел в царство народности как ее полный властелин, и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество...».

В «Песне» Лермонтов создал образ сильного, умеющего постоять за свою честь русского человека. Под стать Калашникову прекрасный и благородный образ его верной жены Алены Дмитриевны.

Действие «Песни» разворачивается на широком фоне старинной Москвы. Отлично зная русские былины и исторические песни, Лермонтов не подражал им, — он творчески воссоздал в оригинальном и неповторимом произведении самый дух русской поэзии.

Появление лермонтовской «Песни» не было случайностью. В то время в русской исторической и филологической науке, в молодой еще этнографии разворачивалось глубокое, плодотворное изучение народной старины и народного быта. Лермонтов не был ученым-филологом, но гениальным чутьем поэта проник в самую сущность народной поэзии.

Недовольство современной действительностью, на которое Белинский обратил внимание в своем разборе «Бородина» и «Песни», становится основной темой творчества Лермонтова в 1838—1839 годах. Упрек старого бородинского героя: «Богатыри — не вы!» — слышится не только в произведениях, воссоздающих картины героического прошлого. Эта же мысль пронизывает и произведения из современной Лермонтову жизни — незаконченный роман «Княгиня Лиговская», повесть в стихах «Тамбовская казначейша» и «нравственную поэму “Сашка”».

После возвращения из первой кавказской ссылки поэт напряженно работает над зрелыми редакциями «Демона». Но неоднократно перерабатывая поэму в 1838—1839 годах, Лермонтов всё еще не считал ее законченной и не решался печатать. Впрочем, полностью напечатать эту мятежную, богоборческую поэму было бы невозможно: цензура потребовала бы значительных изменений. Поэма

распространялась в списках, отражающих разные стадии работы, различные редакции.

Поэма «Мцыри», написанная в 1839 году и также являющаяся дальнейшей разработкой более ранних замыслов («Исповедь» и «Боярин Орша»), переносит читателя в старинный монастырь и его окрестности на берегах Арагвы и Куры. В кавказских пейзажах, в этнографически верных описаниях быта и нравов Грузии некоторые исследователи не без оснований усматривали реалистические элементы, но в целом и «Демон» и «Мцыри» по своему идейно-художественному содержанию остаются образцами романтической поэмы, завершающими многолетнюю работу поэта именно в этом, наиболее характерном для романтизма, жанре.

Между образом Демона и образом Мцыри при всем сходстве этих мятежных героев есть и существенное различие. Демон, отрицающий несовершенное устройство мира и бросающий богу гордый вызов, блуждает «в пустыне мира без приюта», у изгнанника рая нет отчизны; Мцыри — это земной юноша, стремящийся вырваться из монастырского плена в родные горы, туда, «где люди вольны, как орлы». Для Мцыри, как и для всех мятежных героев Лермонтова, смысл жизни в борьбе.

В поэме «Мцыри» Лермонтов выразил самые сокровенные свои думы и чувства. Белинский восклицал: «Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности...» — и отмечал, что мужественному, героическому образу Мцыри соответствует энергический и напряженный стих поэмы (четырёхстопный ямб с мужскими рифмами).

Лермонтов считал возможным при самом строгом отборе включить поэму «Мцыри» вместе с «Песней про царя Ивана Васильевича...» в сборник стихотворений, вышедший осенью 1840 года.

12

С начала 1839 года в Петербурге стал издаваться обновленный журнал «Отечественные записки». Редкая книжка журнала обходилась без участия Лермонтова. Здесь была напечатана бо́льшая часть стихотворений еще при жизни поэта. В «Отечественных записках» появились впервые повести «Бэла», «Тамань» и «Фаталист»,

вошедшие впоследствии в роман «Герой нашего времени». Наконец, именно в этом журнале были напечатаны все статьи Белинского, посвященные разбору романа и стихотворений Лермонтова.

Участвуя в журнале, бывая на вечерах у писателя В. Ф. Одоевского, а также в семье покойного Н. М. Карамзина, Лермонтов вошел в тогдашний петербургский литературный круг, ближе познакомился с В. А. Жуковским, В. А. Соллогубом, И. И. Панаевым. Имя Лермонтова стало известно всей читающей России.

В первой книжке «Отечественных записок» за 1839 год было напечатано стихотворение «Дума», привлечшее внимание современников. Еще в юношеском стихотворении 1829 года «Монолог» Лермонтов точно определил сущность трагедии лучших людей своего времени:

К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?

В «Думе» эти мысли о вынужденном общественном бездействии передовых людей 30-х и 40-х годов получили дальнейшее развитие.

Этими же настроениями духовной разобщенности и опустошенности проникнуто написанное в начале 1840 года стихотворение «И скучно и грустно», которое Белинский причислил к «величайшим созданиям поэзии».

Отметив «простоту в выражении», «естественность, свободу в стихе», Белинский первый связал это стихотворение, как и вообще лирику Лермонтова, с образом Печорина.

Предвосхищая поэзию Некрасова, Лермонтов осознает необходимость не только правдиво отразить несовершенство жизни современного ему общества, но и будить общественную совесть, зовет поэтов и художников к созданию передового искусства.

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный? —

спрашивает читатель в программном стихотворении 1840 года «Журналист, читатель и писатель».

Романтические картины природы в ранних стихотворениях и поэмах Лермонтова — горы, море, дубравы, степи, — только названные, но лишённые каких-либо определенных примет, постепенно сменяются картинами, имеющими всю достоверность географического ландшафта. Среднерусская равнина с ее полями и лесами, степи и предгорья Северного Кавказа, суровые вершины кавказских хребтов, гористая и долинная Грузия — всё пейзажное многообразие широких просторов родины оживает в зрелых произведениях Лермонтова. При этом пейзаж в его лучших творениях представлен в неразрывной связи с человеком, с обществом, с историей, показан в восприятии определенного лица в определенном душевном состоянии.

От внеисторического, абстрактного героя ранних стихотворений и поэм, выражающего тревоги и порывы юного поэта, Лермонтов переходит к созданию живых, конкретных исторических образов.

13

По возвращении в Петербург после первой ссылки Лермонтов, по собственному признанию, «пустился в большой свет». На него была мода, поэт возбуждал любопытство, перед ним заискивали, а он понимал, что обострение непримиримого конфликта с этим обществом рано или поздно наступит. Злейшие враги, погубившие Пушкина, не могли простить его преемнику стихов «Смерть поэта».

Среди явных недоброжелателей поэта оказался и влиятельный шеф жандармов граф Бенкендорф. Положение обострилось, когда в первом номере «Отечественных записок» за 1840 год появилось стихотворение, обозначенное датой «1 января»; в этом стихотворении Лермонтов бросал в лицо своим противникам «железный стих, облитый горечью и злостью».

В феврале 1840 года светские враги поэта передали сыну французского посланника Эрнесту де Баранту эпиграмму, якобы сочиненную на него Лермонтовым. На самом деле была использована подошедшая к случаю старая лермонтовская эпиграмма.

16 февраля на балу у графини Лаваль произошло столкновение между Лермонтовым и Барантом, закончившееся дуэлью.

Дуэль состоялась 18 февраля за Черной речкой на Парголовской дороге. После первого выпада у Лермонтова переломился конец шпаги, и Барант успел слегка задеть его. Перешли на пистолеты. Барант стрелял первым и промахнулся. Лермонтов выстрелил в сторону. Противники разъехались.

Этим всё и кончилось бы, но враги поэта воспользовались дуэлью. Лермонтов был арестован; началось военно-судное дело. При этом Баранта даже «не успели» допросить и выпустили за границу. Находясь под арестом и ожидая выяснения своей участи, Лермонтов написал стихотворения «Журналист, читатель и писатель», «Пленный рыцарь» и «Соседка». В эти дни он особенно много читал, в том числе стихи А. Шенье, Г. Гейне, О. Барбье.

В. Г. Белинский выхлопотал разрешение навестить Лермонтова. Встреча с поэтом произвела на него сильнейшее впечатление. Через несколько дней Белинский писал В. П. Боткину: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!»

Тем временем военно-судное дело было закончено. «По высочайшему повелению» Лермонтова перевели в армейский Тенгинский пехотный полк, который в это время находился на Кавказе, на побережье Черного моря, на опасном и трудном участке, где шли напряженные бои с горцами.

14

Двадцатипятилетний Лермонтов смог создать образ героя своего времени — Печорина, обобщив большой материал жизненных впечатлений, хорошо зная и глубоко понимая историческую сущность окружавшей его русской действительности.

В Печорине много исключительного, индивидуально неповторимого. Это выдающийся по уму и по силе воли человек, но при всех лишь Печорину присущих свойствах характера, он обобщает типичные черты людей определенной эпохи, он герой своего времени. Эту типичность Печорина сам Лермонтов подчеркнул в предисловии, написанном для второго издания романа: «Герой нашего времени...

портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Автор относится к герою романа критически, да и Печорин в своем дневнике не скрывает недостатков и противоречий своего характера. Печорин, конечно, не идеальный герой. Но почему же роман написан так, что по мере того, как читатель знакомится с Печориным, он всё больше проникается уважением к нему и даже симпатией? Печорин — один из самых мужественных и умных героев русской классической литературы. Рассказывая о судьбе Печорина, Лермонтов вплотную подошел к вопросу, вскоре поставленному Герценом: «Кто виноват?» Кто виноват в том, что умные и жаждущие деятельности люди в условиях самодержавно-крепостнической России обречены на вынужденное бездействие, искалечены воспитанием, оторваны от народа? И читатель убеждается, что Печорин не только герой, но и жертва своего времени.

Во второй половине мая 1840 года Белинский начал писать подробный разбор «Героя нашего времени», вскоре опубликованный в июньской и июльской книжках «Отечественных записок». Этот разбор раскрыл широкому кругу русских читателей идейное и художественное значение романа Лермонтова в истории русской общественной жизни и в истории русской литературы. Горячо защищая Печорина от проповедников лицемерной казенной морали, Белинский видел в этом образе воплощение критического духа своего времени. Зато реакционно-охранительная критика была глубоко возмущена «безнравственностью» Печорина.

Роман построен таким образом, что Печорин и его жизнь предстают перед читателем как бы с трех точек зрения. Предисловие автора, написанное в ответ на разноречивые толки критики и включенное во второе издание книги, объясняет общий замысел, цель произведения. Затем идут путевые записки автора, повесть «Бэла». Эти путевые записки стилистически продолжают «Путешествие в Арзрум» Пушкина (1836 год), незадолго до высылки Лермонтова на Кавказ опубликованное в пушкинском журнале «Современник». В записки странствующего офицера включен рассказ Максима Максимыча о похищении Печориным Бэлы. По теме, по материалу эта романтическая история восходит к «Кавказскому пленнику» Пушкина и кавказским романтическим повестям Марлинского, но рассказана

она нарочито сниженным прозаическим языком, — рассказывает ее не автор, не Печорин, а Максим Максимыч.

В повести «Максим Максимыч» добрый штабс-капитан из рассказчика превращается в действующее лицо. Повествование продолжается от имени автора романа. Здесь единственный раз во всей книге автор встречается лицом к лицу с героем, с Печориным. Это необходимо для того, чтобы реалистически мотивировать детальный психологический портрет Печорина, включенный во вторую повесть. Мастерски очерченный портрет героя, имеющий такое большое значение в дальнейшем развитии реалистического портрета у Тургенева, Толстого, Достоевского и Чехова, естественно, не мог быть нарисован простодушным Максимом Максимычем. Только автор мог и должен был так всесторонне и проницательно нарисовать портрет своего героя. Вместе с тем повесть «Максим Максимыч» подготавливает переход ко второй части книги. Здесь читатель узнаёт, каким образом в руки автора романа попали записки Печорина. Затем следует «Предисловие» к «Журналу Печорина», где автор сообщает то, чего не мог бы сообщить сам Печорин в своих записках, то есть, что Печорин умер, возвращаясь из Персии. Так обосновывается право автора на публикацию «Журнала Печорина», состоящего из трех повестей: «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист».

В этих трех повестях «Журнала Печорина» появляется третий рассказчик, третье по счету авторское «я» — сам Печорин, судьбой которого читатель заинтересовался еще в рассказе Максима Максимыча и значительность которого оценил по портретной характеристике, данной автором. И вот умный и проницательный Печорин, умеющий точно определить каждую мысль, всякое душевное состояние, как свое, так и окружающих, с беспощадной откровенностью рассказывает о своей жизни, о глубокой неудовлетворенности собой и всем окружающим. В самоанализе, в «рефлексии» (по терминологии Белинского) — сила и слабость Печорина, отсюда его превосходство над окружающими людьми, и в этом причина его скептицизма, разочарованности.

При всем стилистическом единстве «Журнала Печорина», определяемом тем, что в нем единый рассказчик, единый автор, каждая из трех повестей, составляющих этот «Журнал», имеет свою историко-литературную генеалогию, свои традиции. «Тамань» —

остросюжетная и вместе с тем самая лирическая повесть во всей книге — по-новому и реалистически продолжает традиции романтических разбойничьих повестей.

«Княжна Мери» связана с литературными традициями пушкинского романа из современной жизни («Евгений Онегин»). Заключительная философская повесть «Фаталист» перекликается с некоторыми темами и мотивами, характерными для Э. Т. А. Гофмана и для Марлинского, но вопрос о судьбе, о предопределении, ставится Лермонтовым на совершенно реальном, даже бытовом материале, и «Фаталист», конечно, ни в какой степени не является подражанием Гофману или Марлинскому. Вместе с тем Лермонтов в «Фаталисте» продолжает развивать линию пушкинского «Выстрела» и «Пиковой дамы» — тему игрока. Но и здесь Лермонтов говорит свое, новое слово.

Одновременно с Белинским, но независимо от него, очень высоко оценил «Героя нашего времени» Гоголь. Гоголь сказал о Лермонтове: «Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни; готовился будущий великий живописец русского быта...»

Л. Н. Толстой в списке книг, оказавших на него влияние, отметил «Героя нашего времени», который на него произвел «очень большое впечатление». В 1909 году на вопрос С. Н. Дурылина, какое из произведений русской литературы он считает совершеннейшим, Л. Н. Толстой, не колеблясь, назвал «Тамань».

Наконец, Чехов считал «Тамань» образцом русской прозы. «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, — говорил он. — Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать».

15

Почти весь май 1840 года по пути на Кавказ Лермонтов провел в Москве, постоянно встречаясь с московскими литераторами: Н. Ф. Павловым, М. П. Погодиным, Ю. Ф. Самариным, С. Т. Аксаковым и другими. 9 мая он присутствовал на обеде, данном в день именин Н. В. Гоголя в саду у Погодина. По свидетельству Аксакова,

«Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал... прекрасно».

10 июня 1840 года Лермонтов прибыл в Ставрополь. Как раз в это время командующему Кавказской линией П. Х. Граббе было предложено в ответ на беспрестанные набеги чеченцев предпринять на левом фланге решительные меры. П. Х. Граббе, в прошлом член «Союза благоденствия», человек просвещенный и благожелательный, хорошо принял опального поэта и, вместо того чтобы направить его на побережье Черного моря в Тенгинский полк, где опасность была особенно велика, прикомандировал Лермонтова к отряду генерал-лейтенанта А. В. Галафеева для участия в экспедиции в Малую Чечню.

11 июля у речки Валери`к произошло кровопролитное столкновение с чеченцами. Это сражение Лермонтов описал в стихотворном послании к В. А. Бахметевой (Лопухиной), известном под названием «Валери`к» («Я к вам пишу, случайно, право...»).

Закрепляя и углубляя художественные открытия «Бородина», Лермонтов показал бой с точки зрения одного из многих его участников, и эта позиция открыла новые художественные возможности для правдивого и психологически окрашенного изображения войны. Приподнятая героика, характерная для предшествующей поэзии, уступила место конкретным зарисовкам отдельных эпизодов боя.

В конце октября 1840 года в Петербурге вышел в свет первым изданием небольшой сборник «Стихотворения М. Лермонтова», вызвавший более десяти критических заметок в журналах. Но только Белинский заявил, что никто, кроме Пушкина, «еще не начинал у нас такими стихами своего поэтического поприща». В большой статье «Отечественных записок» о стихотворениях Лермонтова он впервые раскрыл русскому читателю общественно-историческое значение поэзии Лермонтова и указал на богатство идейного содержания и разнообразие его поэтических жанров.

16

В начале 1841 года Лермонтову удалось получить отпуск и в последний раз приехать в Петербург. Приобщившись снова к литературной жизни столицы, Лермонтов начал хлопотать об

отставке. Он хотел посвятить себя всецело литературе, задумывал издавать свой журнал. «Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое», — говорил поэт Краевскому.

Лермонтов всё еще находился в Петербурге, когда в апрельской книжке «Отечественных записок» появилось его стихотворение «Родина», высоко оцененное Белинским, а позже и Добролюбовым.

Во время последнего пребывания в Петербурге Лермонтов написал лирические стихотворения: «Оправдание», «Любовь мертвеца», «Из-под таинственной холодной полумаски...», «Договор», «Я верю: под одной звездой...» и ряд альбомных посвящений.

Пребывание поэта в Петербурге всё более раздражало Бенкендорфа. Около 10 апреля Лермонтова вызвали в военное министерство и предложили в сорок восемь часов отправиться из Петербурга в полк.

По-видимому, в эти дни Лермонтов написал стихотворение, обращенное к николаевской крепостнической России:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ...

12 апреля друзья Лермонтова собрались у Карамзиных на прощальный вечер. Лермонтов был грустен и, как вспоминала Е. П. Ростопчина, «во время всего ужина и на прощанье... только и говорил об ожидавшей его скорой смерти». Лермонтов знал, что его посылают на Кавказ на верную гибель.

Перед отъездом из Петербурга, 13 апреля 1841 года, В. Ф. Одоевский, с которым Лермонтов особенно подружился во время своего последнего пребывания в Петербурге, подарил ему альбом для записи стихов. По пути на Кавказ Лермонтов написал в этом альбоме ряд стихотворений: «Спор», «Тамара», «Свиданье», «Дубовый лист оторвался от ветки родимой...», «Выхожу один я на дорогу...».

Вместе с Лермонтовым ехал на Кавказ его родственник и друг А. А. Столыпин. По пути в полк, вопреки строгим предписаниям начальства, Лермонтов свернул в Пятигорск. Здесь ему удалось получить разрешение остаться для лечения на водах.

В Пятигорске в это время был большой съезд раненых и отдыхающих офицеров. Среди «водяного общества» оказался и Н. С. Мартынов, с которым Лермонтов когда-то учился в военной школе. Самовлюбленный, недалекий Мартынов рисовался в дамском обществе, бойко писал стихи и считал себя поэтом. Лермонтов и Мартынов встречались по-приятельски, но втайне Мартынов завидовал Лермонтову и относился к нему недоброжелательно. Лермонтов остроумно вышучивал заносчивого и обидчивого Мартынова. 13 июля старого стиля 1841 года в доме Верзилиных в Пятигорске между Лермонтовым и Мартыновым произошло столкновение. Задетый эпиграммами и карикатурами Лермонтова, Мартынов вызвал его на дуэль.

15 (27) июля 1841 года у подножия горы Машук состоялась дуэль. Лермонтов не считал себя вправе отказаться от участия в дуэли, но предупреждал, что, как и на дуэли с Барантом, он выстрелит в сторону.

По условиям дуэли каждый имел право стрелять стоя на месте или подходя к барьеру. Мартынов первый подошел к барьеру. Лермонтов не целился и не собирался стрелять. Мартынов выстрелил. Прежде чем произвести свой выстрел, он целился так долго, что секундант А. А. Столыпин, не выдержав, крикнул: «Стреляйте, или я разведу вас!» Лермонтов был убит наповал.

17 (29) июля Лермонтов был погребен на Пятигорском кладбище при большом стечении народа, без отпевания, так как духовенство не решалось хоронить по христианскому обряду убитого на дуэли. В апреле 1842 года прах Лермонтова был перевезен из Пятигорска в имение Е. А. Арсеньевой — Тарханы.

Мартынова судили военным судом. При всей строгости закона, запрещающего дуэли, Николай I определил «майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию».

18

В течение ряда лет после трагической гибели Лермонтова царская цензура не разрешала сообщать в печати какие-либо подробности о его дуэли и даже вычеркивала слишком сочувственные отзывы о поэте.

Тем более смелым вызовом гонителям поэта прозвучали слова Белинского, который, отмечая в 1843 году третье издание «Героя нашего времени», от лица всей передовой России спрашивал: «...что ж еще он сделал бы? какие поэтические тайны унес он с собою в могилу? кто разгадает их?.. Лук богатыря лежит на земле, но уже нет другой руки, которая натянула бы его тетиву и пустила под небеса пернатую стрелу...».

Лермонтов был убит, когда ему не исполнилось и двадцати семи лет. Он еще не достиг своего полного расцвета, «но содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей природы, исполинский взмах, демонский полет — с небом гордая вражда — всё это заставляет думать, — писал Белинский, — что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина».

В. А. Мануйлов

[1](#) Статья печатается с сокращениями. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Часть первая

Глава I

День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерни; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм; длинные, черные мантии с шорохом обметали пыль вслед за ними; и они толкали богомольцев с таким важным видом, как будто бы это была их главная должность. Под дымной пеленою ладана трепещущий огонь свечей казался тусклым и красным; богомольцы теснились вокруг сырых столбов, и глухой, торжественный шорох толпы, повторяемый сводами, показывал, что служба еще не началась.

У ворот монастырских была другая картина. Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев; они спорили, бранились, делили медные деньги, которые звенели в больших посконных мешках; это были люди, отвергнутые природой и обществом (только в этом случае общество согласно бывает с природой); это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд, олицетворенные упреки провидению; создания, лишённые права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаления.

Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленях; углубления в лицах казались чернее обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами *нищета!* — хотя бы малейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!

В толпе нищих был один — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые врата; он был горбат и кривоног; но члены его казались крепкими и привыкшими к трудам этого позорного состояния; лицо его было длинно, смугло; прямой нос,

курчавые волосы; широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури; синяя жила пересекала его неправильные морщины; губы, тонкие, бледные, были растягиваемы и сжимаемы каким-то судорожным движением, и в глазах блистала целая будущность; его товарищи не знали, кто он таков; но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона — но не человека: — он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика. Ему, казалось, не больше 28 лет; на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная; волшебный круг, заключавший вселенную; его душа еще не жила по-настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность; — нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на св. вратах, и внутренно сожалел об нем; он думал: если б я был черт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!

И глаза его блистали под беспокойными бровями, и худые щеки покрывались красными пятнами: всё было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем, или, лучше, он владел одною только страстью, — но зато совершенно!

«Христа ради, барин, — погорелым, калекам, слепому... Христа ради копеечку!» — раздался крик его товарищей; он вздрогнул, обернулся — и в этот миг решила его участь. — Что же увидел он? русского дворянина, Бориса Петровича Палицына. Не больше.

[Глава II]

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ